

Д. БЛАГОЙ

Среди стихов

В. Маяковский. «О Курске, о комсомоле, о мае, о полете, о Чаплине, о Германии, о нефти, о 5 Интернационале и о проч.» Изд. «Красная Новь» ГПП. М. 1924. Стр. 91. Тир. 5000 экз. Ц. 30 коп.

Семен Родов. «Сверенный взлет. (Стихи и поэмы 1918—1920 гг.)». Изд. «Красная Новь» ГПП. М. 1924. Стр. 65. Тир. 3000 экз. Ц. 30 коп.

В своей новой книжке, охватывающей период приблизительно за последние полтора года, Маяковский, как всегда, — сплошная стремительность. «Бег, галоп вперед. Жизнь шажком стара нам. Бегом под знаменем алым» (стр. 68). Однако, как оно выказывается в этой книжке, творчество Маяковского — явный «бег на месте». Почти каждое из новых произведений его, здесь собранных, заставляет вспомнить что-нибудь из уже написанного им прежде. «Молодая гвардия» повторяет знаменитый «Наш марш». «5-й Интернационал» с его электрифицированной мистикой пушкинского «Пророка» неуклонно ведет к «Человеку» и т. д.

Что касается бега «под знаменем алым», — Маяковский доказал свою преданность Октябрьской революции на деле. Конечно, вполне искренно клянется он и в настоящей книжке своей единой любви к революции, вечной верности «неодолимому стальнорукому классу — завтрашнему, послезавтрашнему человечеству». В терминах иррациональных, но вполне классических для поэта, готов он в жертву этому будущему отдать свою «жизнишку»: «хочешь, вниз с трех тысяч метров прыгну».

Однако возьмем, например, аппарат его сравнений из поэмы, посвященной Курской аномалии и тем грандиозным перспективам, которые она открывает грядущему коммунизму. «Под Курском стрелки лезут в стороны, как Чужак», «в пустырях ветров и снега бред, под ногою грязь и лужи вместе непроходимые, как

Альфред из «Известий». Далее встречаем там же и Леф, и Соновского и т. п. Все эти образы для того широкого читателя, к которому обращает свое творчество Маяковский, конечно, вполне пусты. Масштаб между мировой победой коммунизма и сокрушением ненавистного «Альфреда из Известий», ополчившегося на журнал, редактируемый Маяковским, несоизмерим. Наоборот, для самого поэта и его ближайших литературных друзей они, видимо, наполнены самым волнующим содержанием, а горизонты, развертываемые революцией, начисто сливаются со сводами очередного литературного кафе...

В своем творчестве, начиная с периода «Желтой кофты», до «Войны и мира», «Человека», «Нашего марша» и проч., Маяковский непрестанно подымался по крутому отвесу. В его новой книжке мы находимся с поэтом на некоем плоскогорье, залитом лучами его художнической зрелости, достигнувшей большого мастерства. Будем надеяться, что свой, вполне бесполезный для «послезавтрашнего человечества» «Прыжок с трех тысяч метров» поэт после короткой передышки заменит новыми подъемами.

* * *

На стр. 26 С. Родов называет себя «моряком грядущего». Несколькими страницами спустя он обнаруживает и свое тонкое знание морского дела: «*Развертывает парус отважный, направляя весло*» (!). В результате этой своеобразной «научной организации труда» автор уверен, что ему удастся совершать, так себе, небольшие прогулочки, которые, правда, «не снились донашим (!) Колумбам». Один «такой переход-переезд» по «млечной дороге румбом (?) в Саргасово море звезд» тут же описывается им во всех подробностях. Мы узнаем, что автор меряет свои пути не «на узлы — на миры», слышит «межпланетный язык». О последнем, между прочим, сказано: «и гудит он напевом поющим и каждому *ясен и прост*». К сожалению, стихи Родова написаны не на межпланетном языке...

Правда, язык его поэзии, который, несмотря на некоторые черты сходства с говором большинства населения Советской республики, никак не должен смешиваться с этим последним, не менее экзотичен. Приводим из него некоторые образцы на потребу филологам: «Притаив у жерол (!) смерти... пушки выстроились в ряд»; «веет ль (?) жарким летом»; «встрепенулось, запело в груди веселей за (?) отцов, что погибли»; «зубы за ртом» (!); «Я — искра пламени на теми, ты сгусток копоты на ней. Зрач-

ком прозренья в тайной теме испуганно черней». Смиренно признаемся, что, как мы ни напрягали «зрачок прозренья», в «тайную тему» этой строфы нам проникнуть так и не удалось. Футуристы, со специальной целью быть непонятными читателям, изобрели свою пресловутую заумь. Семен Родов несомненно добивается того же гораздо более скромными средствами.

Впрочем, Семен Родов мастер не только в области тайнописи, но и тайночтения. Был такой чудак Фабр Д'Оливэ, который уверял, что Библия имеет особый скрытый смысл, совсем не тот, который мы все в нее вкладываем. Однако Фабру Д'Оливэ далеко до Семена Родова. Кто сказал, что Каин убил Авеля? Семен Родов прекрасно знает, что дело было как раз наоборот. Точно так же ему доподлинно известно, что «в чреве китовом», поглотившем Иону, был «свет единственный — лампадка пред иконой». Все это совершенно точно рассказывается на с. 29 его книжки.

Однако, все эти открытия, которые произведут несомненный переворот в мире ученых, нужны пролетарскому читателю в весьма малой степени.

